

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ORIENTAL STUDIES

УДК 811.512.31

DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-89-96

Юлия Догоржаповна Абаева,

кандидат филологических наук,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),

e-mail: julaba@yandex.ru

Сингармонизм в бурятском языке: диалектные особенности

В статье приводятся результаты исследования сингармонической организации слова в бурятских диалектах с целью выявить как специфические черты, так и общие закономерности, характерные для бурятского языка в целом. Для этого был проведён сравнительный анализ основных диалектных закономерностей гармонии гласных в сравнении с литературным бурятским языком, а также с другими монгольскими языками. Исследование основано на материале Звуковой базы данных бурятских диалектов, а также на имеющихся работах по бурятской диалектологии. Если палатальная гармония имеет единые законы во всех говорах, то правила лабиального сингармонизма имеют разночтения, что обуславливает звуковую вариативность говоров. Основное отличие заключается в сохранении гласного *ө* в западных и южных диалектах и утере такового в восточных диалектах. Особенностью, характерной только для бурятского языка, является возможность следования после первослогового *й* из долгих гласных как огубленного *ө*., так и неогубленного *ε*:. Как выяснилось, эта особенность имеет географическую зависимость: самый западный говор – нижеудинский – имеет тенденцию к неогубленному *ε*., тогда как в самом восточном хоринском говоре – агинском – в этой позиции более употребителен *ө*..

Ключевые слова: палатальный сингармонизм, лабиальный сингармонизм, сингармонический ряд, ассимиляция, бурятские диалекты

Введение. Сингармонизм – это морфонологическое явление, которое является одной из основных характеристик звукового строя языков агглютинативного типа. Механизм действия сингармонизма основан на законе гармонии гласных, который представляет собой прогрессивную ассимиляцию по одному или нескольким признакам. Во всех монгольских языках основным фонологическим признаком сингармонизма является уподобление гласных по признаку ряда, а также в некоторых из них получило развитие уподобление гласных по признаку огубленности.

Общие законы сингармонической организации монгольского, и, в том числе, бурятского слова подробно описаны в работах исследователей, изучавших фонетическую

систему монгольских языков: Г. Рамстедта, Б. Я. Владимирцова, Н. Поппе, Г. Д. Санжеева, И. Д. Бураева, В. И. Рассадина, П. Ц. Биткеева, Т. С. Есеновой, Я.-О. Свантессона и др. В работах, посвящённых исследованию того или иного бурятского диалекта, также затрагиваются некоторые вопросы гармонии гласных, однако обобщающего исследования сингармонизма в бурятских диалектах не проводилось. Между тем законы сингармонизма имеют свои характерные черты не только в каждом конкретном языке, но и в диалектах одного языка.

Несмотря на многодиалектный характер бурятского языка и наличие характерных особенностей сингармонизма в каждом из них, достаточно длительное совместное прожива-

ние наложило свой отпечаток, и в диалектах начали формироваться общие законы сингармонизма, отличающие бурятский язык от других монгольских языков. Цель настоящего исследования – выявить специфические черты сингармонической организации слова в бурятских диалектах, а также общие закономерности, характерные для бурятского языка в целом.

Предполагается, что особенности сингармонизма определяют звуковое своеобразие диалектов и совместно с ударением и интонацией придают неповторимое звучание диалектной речи. В конечном итоге результаты настоящего исследования будут направлены на решение проблемы взаимодействия этого морфонологического явления с супrasegmentными средствами языка, для изучения звуковой вариативности бурятских диалектов.

Методология и методы исследования.

В работе использовался сравнительный метод: анализ основных диалектных закономерностей гармонии гласных в сопоставлении с литературным бурятским языком, а также с другими монгольскими языками. Также в работе применялись методы и подходы корпусной лингвистики. Материалом исследования, помимо данных, полученных исследователями бурятской диалектологии ранее, послужили современные звуковые записи диалектной речи, вошедшие в создаваемую в отделе языкознания ИМБТ СО РАН Звуковую базу данных бурятских диалектов. Актуальность подобных исследований заключается в том, что в языкознании получают всё большее развитие компьютерные технологии сохранения и описания языков, в том числе их звуковой стороны. Использование записей, оформленных в виде звукового корпуса, позволяет зафиксировать современное состояние диалектного сингармонизма и его влияние на звуковую оболочку современных диалектов. Исследование диалектного сингармонизма как одного из ведущих характеристик акустической системы агглютинативных языков способствует сохранению диалектного разнообразия бурятского языка, сохранению и фиксации особенностей исчезающих диалектов при помощи современных научных методов, может послужить источником для дальнейших исследований области фонетики.

Новизна исследования обусловлена отсутствием обобщающего исследования сингармонизма в бурятских диалектах, а также применением методов корпусной лингвистики, позволяющей получить достоверную кар-

тину данной проблематики на обширном современном материале.

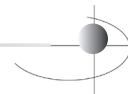
Практическое применение результатов исследования возможно в практике преподавания литературного бурятского языка носителям того или иного диалекта, а также для дальнейших изысканий в области диалектной типологии.

Результаты исследования и их обсуждение. По широко распространённой терминологии гармонию гласных в монгольских языках принято характеризовать как палатальную, согласно которой гласные языка делятся на три группы: переднерядные, заднерядные и нейтральные. Однако, по мнению Т. С. Есеновой, фонетические основы гармонии в монгольских языках неодинаковы. Если, к примеру, в ойратских языках сохранились переднерядные гласные классического типа, то в северно- и восточномонгольских языках фонетическая основа гармонии изменилась, в этих языках произошёл «сдвиг назад по ряду гласных» [6, с. 64].

Аналогичная точка зрения высказывается в работах Я.-О. Свантессона: в современном монгольском языке произошёл переход от палатальной гармонии, существовавшей в старомонгольском языке, к фарингальной [14, с. 43].

И. Д. Бураев делит гласные фонемы бурятского языка на четыре основных артикуляционных ряда: передний, задний, центральный и смешанный [3, с. 109]. Сингармонические ряды хотя и опираются на эти четыре артикуляционных ряда, но не всегда совпадают с ними. Для обозначения сингармонических рядов И. Д. Бураев отдавал предпочтение терминам «мягкий» и «твёрдый» «незаслуженно забытой в монголоведении грамматической традиции, восходящей к оригинальным монгольским грамматикам» [3, с. 166]. По классификации И. Д. Бураева, деление на сингармонические ряды происходит не только по артикуляционному ряду, но и по подъёму. К гласным твёрдого ряда относятся все гласные задней артикуляции и все гласные нижних подъёмов: *a, aː, æ, o, oː, oe, u, uː, ui*. К гласным мягкого ряда относятся гласные центрального и смешанного рядов и переднерядные гласные средних подъёмов: *ε, εː, õ, ù, ùː, ùi*. К нейтральному ряду относятся узкие гласные переднего образования: *i, iː* [4, с. 125].

Согласно наиболее общим правилам палатального сингармонизма, в одном слове могут употребляться гласные только одного ряда: либо мягкорядные, либо твёрдорядные.

Нейтральные гласные могут употребляться в словах обоих рядов. Однако обычно, в первом слоге твёрдорядных слов из нейтральных гласных употребляется краткий *i*, например: *низалха* – ‘раздавить’, а в первом слоге мягкорядных слов – долгий *i:*, например: *ниидэхэ* – ‘летать’, а также краткий *i*, если в слове присутствуют только нейтральные гласные: *мини* – ‘мой’, *шини* – ‘твой’ [4, с. 128].

Правило о несочетаемости в одном слове гласных мягкого и твёрдого рядов имеет ряд исключений: слова, возникшие из слияния двух разнорядных слов: *уржадэр* (*уржа* + *үдэр*) – ‘позавчера’, *агуухэ* (*агуу* + *эхэ*) – ‘великий’, *хайндэр* (*хайн* + *үдэр*) – ‘праздник’; глаголы с отрицательными частицами *-гүй* и *-дүй*, которые пишутся слитно и образуют одно фонетическое слово: *абахагүй* – ‘не возьмёт’, *унишаадүй* – ‘ещё не прочёл’; слова с эмфатической долготой *aa*: *хубаа* – ‘хлопец (обращение)’ от *хүбүүн* – ‘мальчик, парень’, агинск. *бүваа* от *бүүбэй* – ‘младенец’; заменное деепричастие с аффиксом *-нхаар*, гласная которого не изменяет своего качества в зависимости от состава вокализма корня слова: *абанхаар* – ‘вместо того, чтобы взять’, *ерэнхаар* – ‘вместо того, чтобы прийти’, *оронхаар* – ‘вместо того, чтобы войти’, *үгэнхаар* – ‘вместо того, чтобы дать’.

В словах с нарушенной гармонией гласных сингармонический ряд присоединяемого аффикса зависит не от первого слога словоформы, а от предыдущего слога: *уржадэр-эй* – ‘позавчерашний’, *хайндэр-тэ* – ‘в праздник’. То есть сингармонизм в бурятском языке носит ступенчатый характер. Предстоит выяснить, каким образом слова с нарушенной гармонией гласных опознаются как одно фонетическое слово. Вероятно, эту функцию берёт на себя ударение.

Правило об употреблении краткого и долгого *i* также имеет исключения. Долгий *i:* может употребляться в первом слоге твёрдорядных слов, чаще всего это звукоизобразительные слова: *гиинаха* – ‘визжать’, *хииганаха* – ‘сипеть’, *жииганаха* – ‘свистеть (о снаряде)’, *пиисаганалдаха* – ‘пицать (о птенцах)’; а также в словах, произошедших от звука, издаваемого называемым объектом или при его производстве: *шиисгалдай* – ‘пташка’, *хиигадаһан* – ‘опилки’, *шиира* – ‘спички’. Имеется достаточно большое количество твёрдорядных слов с долгим *i:* в первом слоге, начинающихся на согласный *ш*, не относящихся к звукоизобразительным: *шиига* – ‘сильный, здоровый’, *шиидагар* – ‘здоровый, сильный’, *шиидам* – ‘дубина, палка’, *шиираг* – ‘силь-

ный, крепкий’, *шиихагар* – ‘толстошей’, *шиихаха* – ‘погружать (в жидкость, сыпучее вещество)’. Причины такого вокального состава обусловлены исторически, некоторые слова в письменном монгольском также были твёрдорядными, однако в халха-монгольском они развились в мягкорядные слова, например: бур. *шиираг* – х.-монг. *чийрэг*, стп.-м. *сигирау* – ‘сильный, крепкий’; бур. *шиидам* – х.-монг. *шийдэм*, стп.-м. *сигидам* – ‘дубина’.

В литературном бурятском языке имеется небольшое количество мягкорядных слов, в которых краткий *i* может употребляться в первом слоге: *нидхэрхэ* – ‘мять кожу’, *лимбэ* – ‘лимба (музыкальный инструмент)’, *нимгэн* – ‘тонкий’. В диалектах же таких случаев гораздо больше, это слова, в которых сохранился исторический гласный **i* без перелома. Особенно в этом отношении выделяются хамниганский [5] и нижнеудинский говоры [1]: хамниг. *нидү* < стп.-м. *nidün* – ‘глаз’, *джирэку* < стп.-м. *jiḡüken* – ‘сердце’, *сидү* < стп.-м. *šidün* – ‘зуб’; нижнеуд. *тирээ* < стп.-м. *kiruḡa* – ‘пила’, *ши’кэркэ* < стп.-м. *iskerükü* – ‘свистеть’, *шингэсэн* < стп.-м. *singgeken* – ‘жидкий’; окин. *инедэн* < стп.-м. *iniedün* – ‘смех’, *йирэ* < стп.-м. *iḡe* – ‘приходи’, *шинэ* < стп.-м. *šin-e* – ‘новый’.

Для западных говоров бурятского языка характерно опереднение твёрдорядных гласных под влиянием гласного **i*, что сближает их с калмыцким языком и отличает от восточнобурятских говоров и соответственно от литературного бурятского языка. Наиболее сильно это явление развилось в боханском, баргузинском, нижнеудинском, окинском говорах. Наиболее заметно и последовательно процесс опереднения коснулся гласного *a*, который переходит в переднерядный *ä*: бох. *нэрин* < стп.-м. *naḡin* – ‘тонкий’, *хэри* < стп.-м. *qaḡi* – ‘возвращайся домой’; барг. *нэрин* < стп.-м. *naḡin* – ‘тонкий’; нижнеуд. *бэриха* < стп.-м. *baḡiḡu* – ‘держать’, *зэрим* < стп.-м. *jaḡim* – ‘некоторые’, *тэраан* < стп.-м. *tariyan* – ‘посевы’; окин. *эрьбин* – ‘брюшной жир’, *тэбин* < стп.-м. *tabin* – ‘пятьдесят’.

Гласный *o* также подвергся опереднению и перешёл в переднерядный *ö*, но в меньшем количестве случаев: барг. *мэрин* < стп.-м. *moḡin* – ‘конь’, *хэрин* < стп.-м. *qoḡin* – ‘двадцать’; ср. калм. *мөрн* – ‘конь’, *хөрн* – ‘двадцать’.

В ряде диалектов опереднённые долгие гласные и дифтонгоиды возникли на месте дифтонгов с *i* в результате их монофтонгизации: нижнеуд. *ш’ибуукää*, лит. *шубуухай* – ‘птичка’, *нокö* < стп.-м. *noqaḡi*, лит. *нохой* – ‘собака’, *ор’ö* < стп.-м. *oroḡi*, лит. *орой* – ‘позд-

но'; окин. *öörхон* < стп.-м. *oyırqan*, лит. *ойрхон* – 'близко', *öбэлокко* < стп.-м. *oyilyaqi*, лит. *ойлгохо* – 'понять'; *дээн* < стп.-м. *dayin*, лит. *дайн* – 'война', *дэха* < стп.-м. *ayiqi*, лит. *айха* – 'бояться'; тунк. *сээ* < стп.-м. *čaj*, лит. *сай* – 'чай'.

В калмыцком языке, в котором развит палатальный принцип деления гласных по рядам, гласные *ä* (орфографически *э*) и *ө* относятся к мягкому сингармоническому ряду. Гласный *ä* противопоставляется твёрдорядному гласному *а*, например: калм. *амтн* – 'вкус' – *эмтн* – 'люди', *харь* – 'чёрный' – *хэрь* – 'иди домой' [7, с. 36]. Бурятский же гласный *ä* характеризуется как широкий неогубленный переднего ряда примерно пятой ступени подъёма [8, с. 7]. По классификации И. Д. Бураева, гласные пятой и шестой ступени переднего и переднего отодвинутого назад рядов относятся к твёрдому сингармоническому ряду [3, с. 114]. Палатализованный гласный *ö* характеризуется как переднеязычный звук [8, с. 9] и не совпадает артикуляционно с мягкорядной фонемой *ө*, которая относится к центральному ряду [8, с. 18]. Возникает вопрос о сингармонической принадлежности этих палатализованных гласных в бурятском языке. Н. Н. Поппе считает, что гласные *ä* и *ö* принадлежат твёрдому ряду [13, с. 85]. В. И. Рассадин же относит гласный *ä* к мягкому сингармоническому ряду: «смягчение *а в *ä* в нижнеудинском говоре происходит часто с одновременным переходом слова из твёрдого ряда в мягкий», например: *бәр'үүр* – 'ручка, рукоятка', *бәр'ää* – 'поймал, схватил', *тәр'ään* – 'зерно, посева' [11, с. 19]. В слове *бәр'үүр*, как и в калмыцком языке, гласный *ü* становится мягкорядным, ср.: калм. *бэрүл*, бур. *барюул*, х.-монг. *бариул*, стп.-м. *bariyul*.

Таким образом, в ряде бурятских диалектов возникли дополнительные гласные – переднерядные *ä* и *ö*, – отсутствующие в литературном бурятском языке. Предстоит решить вопрос о сингармонической принадлежности этих звуков при помощи экспериментально-фонетических методов.

Помимо описанной выше гармонии, для бурятского языка характерен ещё один вид гармонии гласных, называемый губным или лабиальным. Этот закон выражается в уподоблении гласных непервых слогов гласному первого слога по признаку огубленности. Такой вид гармонии присутствует также в халха-монгольском и восточномонгольском языке, но не характерен для ойратской группы, а также, по данным Т. С. Есеновой, для монгорского, дунсянского, баоаньского языков [6, с. 66]. По наблюдению Т. С. Есеновой,

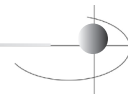
лабиальная гармония наиболее развита в тех языках, в которых изменилась фонетическая основа палатальной гармонии, в тех же языках, где сохранился палатальный принцип гармонии гласных, лабиальный тип гармонии не получил развития [6, с. 67].

К лабиализованным гласным в литературном бурятском языке относятся гласные: *о, о:, ө:, и, и:, ü, ü:*, а также дифтонги *оэ, иі, үі*. В свою очередь, они делятся на широкие (открытые): *о, о:, ө:, оэ* и узкие (закрытые): *и, и:, ү, ү:, иі, үі*. К нелабиализованным гласным относятся широкие: *а, а:, ә, э, э:* и узкие: *и, и:*.

Наибольшим ассимилирующим воздействием обладают широкие огубленные гласные. Широкий огубленный гласный (*о, о:, оэ, ө:*) в первом слоге влечёт за собой наличие широких огубленных гласных в последующих слогах: *бороотой* – 'дождливый', *орёогоорой* – 'заверни, обвяжи', *хооллохо* – 'кушать', *хойшолхо* – 'отправляться на север', *өөрөө* – 'сам'. Верно и обратное, в современном литературном бурятском языке широкие огубленные гласные в непервых слогах употребляются только после широкого огубленного гласного в предыдущем слоге.

Во всех диалектах также действует это правило лабиального сингармонизма, однако имеются некоторые отступления. В диалектах, особенно южных, часто встречается употребление широкого огубленного гласного в непервых слогах при отсутствии такового в предыдущем слоге: цонг. *нагоцо* – 'дядя по матери', *сахол* – 'борода', *насо* – 'возраст', *н'үдө* – 'глаз'; сарт. *нагуцо* – 'дядя по матери', *усо* – 'вода', *арасо* – 'кожа'; нижнеуд. *джиргоон* – 'шесть'; кудар. *тибоосо* – 'грузило у невода'. Встречаются случаи ослабления лабиальной ассимиляции, что выражается в потере огубленности гласного *о* в ауслауте, например: окин. *ошха* – 'пойти', *болха* – 'быть', *хотига* – 'нож', *торха* – 'бочка'.

Наиболее заметное отличие вокального облика слов в диалектах вызвано наличием или отсутствием в них краткой мягкорядной огубленной фонемы *ө*. В восточных (хоринских) диалектах *ө* не рассматривается фонетистами в качестве самостоятельной фонемы, однако признаётся её существование в качестве более широкого аллофона фонемы *ü* [4, с. 103]. Поскольку литературный бурятский язык основан на хоринском диалекте, произношение более узкого варианта этой фонемы (*ü*) является орфоэпической нормой и закреплено орфографией (*ү*): *үдэр* – 'день', *үбдэг* – 'колени', *мүндэр* – 'град', *нүхэр* – 'друг', *үбэгэн* – 'старик'.

Однако гласный *ө* активно употребляется в западнобурятских диалектах: эх.-бул. *өдөр* – ‘день’, *өбдөг* – ‘колено’; окин. *мөндөр* – ‘град’, *төрө* – ‘свадьба’; баргуз. *өгө* – ‘дай’, *нөхөд* – ‘друзья’. То, что это самостоятельная фонема, свидетельствует наличие слов, в которых фонема *ө* противопоставляется фонеме *й*, например: окин. *хөрхө* – ‘замерзать’ – *хүрэхэ* – ‘достигать’, *өргөн* – ‘широкий’ – *үргэн* – ‘подбородок’ [9, с. 52], иволг. *дөрө* – ‘гори’ – *дүрэ* – ‘обмакни’ [12, с. 171]. Южные диалекты, хотя и в меньшем количестве случаев, всё же сохраняют этот звук: сарт. *өвгөн* – ‘старик’; цонг. *үдөр* – ‘день’, *үвөс* – ‘трава’; хамниг. *гөлөгө* – ‘щенок’, *өбөдөк* – ‘колено’.

Процесс сближения гласных *ö* и *ü* или их неразличения, развившийся наиболее сильно в хоринском диалекте, не обошёл стороной и другие говоры и диалекты, что выражается в вариативном произношении слов с *ө/й*, например: окин. *дөрбөн* ~ *дүрбэн* – ‘четыре’, *хөл* ~ *хүл* – ‘нога’; хамниг. *бүкэ* ~ *бөкө* – ‘крепкий’, *күкэ* ~ *көкү* – ‘синий’. А также в произнесении *й* на месте исконного **ö*, например: сарт. *хүмэдхэ* < стп.-м. *kömtüske* – ‘брови’, *дүрэв* < стп.-м. *dörben* – ‘четыре’; цонг. *һүнэлгэ* < стп.-м. *könülge* – ‘угасание’, *мүнгө* < стп.-м. *tönggün* – ‘деньги’.

Употребление в первом слоге *ө* или *й* обуславливает дальнейший вокальный облик слова. По мнению В. И. Рассадина, в бурятском языке сосуществуют две системы сингармонизма, он называет их хоринского типа и халха-монгольского [9, с. 56]. Так, для хоринского типа характерно произнесение в первом слоге гласного *й*, после которого в последующих слогах будут фонетические варианты звука *ε*: *үбэдэг* – ‘колено’, *үндэгэн* – ‘яйцо’. Халха-монгольский тип подразумевает гласный *ө* в первом слоге, который обуславливает наличие подобного звука в последующих слогах: *өбөһөн* – ‘трава, сено’, *өмөдөн* – ‘штаны’, *өбгөн* – ‘старик’. Таким образом, в западнобурятских говорах развит халха-монгольский тип сингармонизма: *төмөр* – халх. *төмөр*, лит. *түмэр* – ‘железо’; *өтөлсөр* – халх. *өтлөтөл*, лит. *үтэлтэр* – ‘до тех пор, пока не состарится’. Из южных говоров, которые также в некоторой степени сохранили гласный *ө*, наиболее близок к халха-монгольскому хамниганский говор: *өдөр* – халх. *өдөр*, лит. *үдэр* – ‘день’; *өкө* – халх. *өгөх*, лит. *үгэхэ* – ‘давать’, *өбөдөк* – халх. *өвдөг*, лит. *үбдэг* – ‘колено’. Цонгольский говор находится на переходном этапе от халха-монгольского типа к хоринскому: гласный *ө* сохранился только в непервых слогах, в первых же сло-

гах и абсолютном начале слова он слился с *й*, например: *түмөр*, халх. *төмөр*, лит. *түмэр* – ‘железо’; *үвөс*, халх. *өвс*, лит. *үбһэн* – ‘трава’. Сартульский говор, за небольшим исключением, практически полностью перешёл к хоринскому типу сингармонизма: *дүчэ*, халх. *дөч*, лит. *дүшэн* – ‘сорок’; *дүрэв*, халх. *дөрөв*, лит. *дүрбэн* – ‘четыре’; *хүмэдхэ*, халх. *хөмсөг*, лит. *хүмэдхэ* – ‘брови’.

Ввиду отсутствия краткого *ө* в литературном языке правило лабиального сингармонизма в некоторой степени нарушается. После долгой огубленной фонемы *ө*: из кратких гласных употребляется неогубленный *ε*, например: *бөөрэ* – ‘почки’, *өөдэрхэхэ* – ‘бахвалиться’. Из долгих гласных в аналогичных условиях употребляется *ө*; например: *зөөгөөшэ* – ‘возчик’, *өөгшөөхэ* – ‘поощрять’. Однако в позиции после палатализованного согласного или *i* пишется *ε*: (орфографически *еэ*): *зөөриее* – ‘своё имущество’, *төөрээрэй* – ‘заблудись’¹. Такое написание обусловлено тем, что в бурятском алфавите нет долгого гласного, обозначаемого как *ёө*, который соответствовал бы мягкорядному *өө* после палатализованного согласного, по аналогии с *ёо* – *оо*: *орхёорой* – *ороорой*. Поэтому в аналогичных случаях после непалатализованных согласных пишется *өө*, а после палатализованных согласных *еэ*. Однако при произнесении этих слов дикторами явно улавливается звук *ө*; то есть слова произносятся с сохранением губной гармонии *zө:r'ө:*, *tө:r'ө:roε*.

Ассимилирующее влияние узких огубленных гласных выражено менее сильно (ср. *өдөр* – *үдэр*). В литературном языке в непервых слогах, даже в позиции после узкого огубленного гласного в первом слоге, краткие узкие огубленные гласные *и*, *й* и дифтонги *иi*, *йi*, бытовавшие в старописьменном монгольском языке, подверглись разогублению: стп.-м. *šibuqi* > *субаха* – ‘идти гуськом’, стп.-м. *küšün* > *хүсэн* – ‘сила, мощь’, стп.-м. *köndüi* > *хүнды* – ‘полюй’, стп.-м. *qagangyüi* > *харанхы* – ‘темнота’. В современном литературном языке эти гласные (*и*, *й*, *иi*, *йi*) в непервых слогах не употребляются.

В других диалектах процесс разогубления не получил такого развития. В цонгольском говоре в некоторой степени разогубление выразилось в переходе узких огубленных гласных в широкие огубленные гласные. В результате этого процесса в южных диалектах появились широкие огубленные гласные

¹ Правила орфографии и пунктуации бурятского языка / под ред. Л. Д. Шагдарова. – 2-е изд. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2009. – С. 99.

в непервых слогах, о чём говорилось выше: *пауица* > цонг. *нагоцо*; *nasun* > цонг. *насо* – ‘возраст’, *nidun* > *н’үдө* – ‘глаз’.

В сартульском же говоре узкие гласные в непервых слогах сохранились, и оказали ассимилирующее влияние на гласный последующего слога: *пауица* > *нагуцо* – ‘дядя по матери’; *usun* > *усо* – ‘вода’.

Случаи сохранения гласных *и*, *й* в непервых слогах в диалектах встречаются достаточно часто: нижнеуд. *уеун* – ‘вода’, *шуһун* – ‘кровь’, *нюрэун* – ‘спина’, *нүкүн* – ‘дыра’, *үһүн* – ‘волосы’; ольх. *уһун* – ‘вода’, *хашурһун* – ‘чешуя’, *үрүһүн* – ‘семя’; сарт. *үнур* – ‘запах’, *худуг* – ‘колодец’, *булуг* – ‘ключ’; хамниг. *моду* – ‘дерево’, *кимусу* – ‘ноготь’, *сидү/шидү* – ‘зуб’. Это же касается и дифтонгов *иi*, *йi*: эх.-бул. *харгуй* – ‘дорога’, *зүгуй* – ‘пчела’, ср. в лит. *харгы*, *зүгы*.

В литературном языке ассимилирующим воздействием по признаку лабиальности из узких огубленных гласных обладают только мягкорядные краткий *й* и дифтонг *йi*. За этими гласными может следовать широкий огубленный гласный, обычно после непалатализованных согласных: *хүлөөрөө* – ‘своими ногами’, *нүдэндөө* – ‘на своих глазах’, *хүйтэншээгөөр* – ‘холодновато’; а после палатализованных согласных следует долгий неогубленный *ε*., например: *бүлээн* – ‘тёплый’, *түлээгээр* – ‘дровами’. Имеются исключения: *гүзээн* – ‘брюхо’, *һүбээ* – ‘бок’, *бүтээхэ* – ‘исполнять’, *үһээ* – ‘затяжной дождь’¹. После узких огубленных твёрдорядных гласных *и*, *иi*, *иi* и долгого мягкорядного *йi*: в литературном бурятском языке широкие огубленные гласные не употребляются: *уһатай* – ‘с водой’, *буугаар* – ‘ружьём’, *туйлаха* – ‘достигать’, *үүдээр* – ‘через двери’.

То, что в литературном бурятском языке после *й* первого слога могут следовать как долгий *ε*., так и долгий *εi*., В. И. Рассадин считает существенным отличием сингармонизма бурятского языка от других монгольских языков [9, с. 57]. Ср. в халха-монгольском языке после *й* всегда следует *εi*., а после *ө* – *өi*., например: *үлээ* – ‘остался’, *өлсөө* – ‘проголодался’.

Хотя в хоринских говорах, легших в основу литературного языка, *өi* после *й* употребляется чаще, чем в других диалектах, однако и здесь имеются свои отличия. В ряде хоринских говоров после *й* следует *εi*., например: *хүлээ* вм. лит. *хүлөө* – ‘свои ноги’, *үлээ* вм.

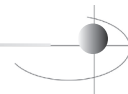
лит. *үлөө* – ‘остался’, присоединяемые к таким словам аффиксы также носят неогубленный характер: *хүлээрээ* – ‘своими ногами’, *үлээгээрэй* – ‘оставь’. Агинский же подговор хоринского диалекта более последовательно придерживается этой тенденции, и после *й* в последующем слоге чаще произносится *өi*., например: *түл’өөн*, лит. *түлээн* – ‘дрова’, *гүзөөн*, лит. *гүзээн* – ‘живот’, *бүл’өөн*, лит. *бүлээн* – ‘тёплый’, *хүл’өөхэ*, лит. *хүлээхэ* – ‘ждать’, *үл’өөхэ*, лит. *үлээхэ* – ‘дуть’; *хүбүүгөө*, лит. *хүбүүгээ* – ‘своего сына’. Присоединяемые к таким словам аффиксы также носят огубленный характер: *түл’өөн* – *түл’өөндөө* – ‘своим дровам’, *хүл’өөхэ* – *хүл’өөгөөрэй* – ‘подожди’.

В самом западном нижнеудинском диалекте наблюдается иная тенденция – после *й* обычно идёт гласный *εi*., например: *үглээ*, лит. *үглөө*, халх. *өглөө*, стп.-м. *örlüge* – ‘утро’; *күдээ*, лит. *хүдөө*, халх. *хөдөө*, стп.-м. *ködüge* – ‘сельская местность’; *гүрээһэн*, лит. *гүрөөһэн*, халх. *гөрөөс*, стп.-м. *görügesün* – ‘зверь’.

Заключение. Исследование сингармонической организации слова в бурятских диалектах показало, что хотя в диалектах и сохраняются определённые особенности, тем не менее, имеется достаточное количество общих черт, отличающих его от других монгольских языков. Так, было выявлено, что во всех бурятских диалектах действуют правила и палатального, и лабиального сингармонизма. Причём палатальный сингармонизм может быть назван таковым лишь условно, так как в диалектах бурятского языка гармония гласных основана не на противопоставлении гласных переднего и заднего рядов, а на делении гласных по комплексу признаков – по ряду и подъёму. Переднерядные гласные, аналогичные гласным калмыцкого языка, развились лишь в западных диалектах, тяготеющих к западно-монгольскому ареалу. Однако сингармоническая принадлежность этих гласных является поводом для дальнейших исследований.

Если палатальная гармония имеет единые законы во всех говорах, то правила лабиального сингармонизма имеют разночтения, что обуславливает звуковую вариативность говоров. Основное отличие обусловлено сохранением гласного *ө* в западных и южных диалектах и утере такового в восточных. По степени сохранения этого гласного можно провести градацию южных диалектов от хамниганского, где в наибольшей степени сохранился этот гласный, до сартульского, где этот гласный представлен в наименьшем

¹ Правила орфографии и пунктуации бурятского языка / под ред. Л. Д. Шагдарова. – 2-е изд. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2009. – С. 99.

количестве. Цонгольский говор занимает промежуточное положение. По наличию *ө* или *ü* в первом слоге диалекты можно разделить на два сингармонических типа: западно-бурятские говоры и хамниганский vs хоринские и сартульский говоры.

Особенностью, характерной только для бурятского языка, является возможность следования после первослогового *ü* из долгих гласных как огубленного *ө*; так и неогубленного *э*. Эта особенность имеет географическую зависимость: самый западный говор –

нижнеудинский – имеет тенденцию к неогубленному *э*; тогда как в самом восточном хоринском говоре – агинском – в этой позиции более употребителен *ө*.

Вместе с тем наметились темы дальнейших исследований. Так, требуют изучения вопросы: каким образом создаётся цельноформленность слов с нарушенной гармонией гласных, принадлежность к сингармоническому ряду переднерядных гласных *ä* и *ö*, а также особенности консонантного сингармонизма в бурятском языке.

Список литературы

1. Абаева Ю. Д. Говор нижнеудинских бурят сегодня // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12–2. С. 59–62.
2. Бабуев С. Д. Фонетические особенности ольхонского говора // Сегментные и просодические единицы языков Байкальского региона: сб. науч. тр. / под ред. Л. Д. Шагдарова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО АН СССР, 1991. С. 105–111.
3. Бураев И. Д. Звуковой состав бурятского языка. Улан-Удэ: Тип. М-ва культуры БурАССР, 1959. 196 с.
4. Бураев И. Д. Становление звукового строя бурятского языка. Новосибирск: Наука, 1987. 185 с.
5. Дамдинов Д. Г. Этнолингвистический очерк хамниганского говора // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. Вып. 2. С. 74–116.
6. Есенова Т. С. Интонационный строй монгольских языков. Элиста: Калмыцкий гос. ун-т, 2004. 312 с.
7. Павлов Д. А. Фонетика современного калмыцкого языка. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1983. 207 с.
8. Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 200 с.
9. Рассадин В. И. Особенности звукового строя языка окинских бурят и соётов // Звуковой строй монгольских языков: сб. науч. тр. / под ред. Л. Д. Шагдарова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО АН СССР, 1989. С. 50–73.
10. Рассадин В. И. Звуковой состав присаянской группы бурятских говоров // Сегментные и просодические единицы языков Байкальского региона: сб. науч. тр. / под ред. Л. Д. Шагдарова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО АН СССР, 1991. С. 3–34.
11. Рассадин В. И. Становление говора нижнеудинских бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 162 с.
12. Цыренов Б. Д. Ивалгын буряад хэлэнэй фонетикын онсо илгаа (Фонетические особенности языка иволгинских бурят) // Проблемы бурятской диалектологии: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Рассадина. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. С. 165–177.
13. Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Second Impression. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. 300 p.
14. Svantesson J.-O., Tsendina A., Karlsson A., Franzén V. The Phonology of Mongolian (The Phonology of the World's Languages). Oxford: Oxford University Press, 2005. 314 p.

Статья поступила в редакцию 21.03.2017; принята к публикации 08.05.2017

Библиографическое описание статьи

Абаева Ю. Д. Сингармонизм в бурятском языке: диалектные особенности // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 5. С. 89–96. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-89-96.

Yulia D. Abaeva,

Candidate of Philology,

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies

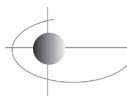
Siberian Branch, Russian Academy of Science

(6 Sakhyanovoi st., Ulan-Ude, 670047, Russia),

e-mail: julaba@yandex.ru

Vowel Harmony in the Buryat Language: Dialect Peculiarities

The article deals with the problem of vowel harmony in the Buryat dialects. The main purpose of the article is to reveal the specific features of vowel harmony in dialects and also the common rules which characterize the Buryat vowel harmony in whole. To achieve these aims the main dialect peculiarities were analyzed in comparison with the literary Buryat language and other Mongolian languages. The material for the investigation was taken from the Sound database of the Buryat dialects. It was revealed that the palatal harmony has common features in all

dialects. The labial harmony varies in dialects and determines their sound differences. The main difference is the preservation of the sound *ə* in the western and southern dialects and its loss in the eastern dialects. The feature which distinguishes the Buryat language from other Mongolian languages is the possibility of both long *ə*: and long *ɛ*: vowels after the long vowel *ü*: in the first syllable. It depends on geographic parameter: the most western dialect (Nizhneudinsk) more often uses *ɛ*:, whereas the most eastern Khori dialect (Aga) more often uses *ə*: in this position.

Keywords: palatal vowel harmony, labial vowel harmony, harmony classes, assimilation, the Buryat dialects

References

1. Abaeva Yu. D. Govor nizhneudinskiikh buryat segodnya // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 12–2. S. 59–62.
2. Babuev S. D. Foneticheskie osobennosti ol'khonskogo govora // Segmentnye i prosodicheskie edinitseyazykov Baikal'skogo regiona: sb. nauch. tr. / pod red. L. D. Shagdarova. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO AN SSSR, 1991. S. 105–111.
3. Buraev I. D. Zvukovoi sostav buryatskogo yazyka. Ulan-Ude: Tip. M-va kul'tury BurASSR, 1959. 196 s.
4. Buraev I. D. Stanovlenie zvukovogo stroya buryatskogo yazyka. Novosibirsk: Nauka, 1987. 185 s.
5. Damdinov D. G. Etnolingvisticheskiy ocherk khamniganskogo govora // Issledovanie buryatskiikh govorov. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1968. Vyp. 2. S. 74–116.
6. Esenova T. S. Intonatsionnyi stroi mongol'skiikh yazykov. Elista: Kalmytskii gos. un-t, 2004. 312 s.
7. Pavlov D. A. Fonetika sovremennogo kalmytskogo yazyka. Elista: Kalmytskoe kn. izd-vo, 1983. 207 s.
8. Rassadin V. I. Ocherki po istoricheskoi fonetike buryatskogo yazyka. M.: Nauka, 1982. 200 s.
9. Rassadin V. I. Osobennosti zvukovogo stroya yazyka okinskiikh buryat i soetov // Zvukovoi stroi mongol'skiikh yazykov: sb. nauch. tr. / pod red. L. D. Shagdarova. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO AN SSSR, 1989. S. 50–73.
10. Rassadin V. I. Zvukovoi sostav prisayanskoi gruppy buryatskiikh govorov // Segmentnye i prosodicheskie edinitseyazykov Baikal'skogo regiona: sb. nauch. tr. / pod red. L. D. Shagdarova. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO AN SSSR, 1991. S. 3–34.
11. Rassadin V. I. Stanovlenie govora nizhneudinskiikh buryat. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 1999. 162 s.
12. Tsyrenov B. D. Ivalgyn buryaad khelenei fonetikyn onso ilгаа (Foneticheskie osobennosti yazyka ivolginskiikh buryat) // Problemy buryatskoi dialektologii: sb. nauch. tr. / pod red. V. I. Rassadina. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 1996. S. 165–177.
13. Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Second Impression. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. 300 p.
14. Svantesson J.-O., Tsendina A., Karlsson A., Franzén V. The Phonology of Mongolian (The Phonology of the World's Languages). Oxford: Oxford University Press, 2005. 314 p.

Received: March 21, 2017; accepted for publication May 8, 2017

Reference to the article

Abaeva Yu. D. Vowel Harmony in the Buryat Language: Dialect Peculiarities // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 5. PP. 89–96. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-89-96.